

На столе заблудились слоны

Такой была первая строчка стихотворения, с которого началась для меня Зинаида Шишова.

Семь слоников, приносящих счастье.

Заблудившиеся слоны на столе. Счастье, которое, казалось, совсем рядом, вдруг становится маревом. В жизнь врывается подлинная трагедия, страшная, бесчеловечная (не какая-то "оптимистическая трагедия", выдуманная соцреализмом). И все это прочитывается в ее стихах.

Для меня Зинаида Шишова, поэт, открылась в тоненьком "Первом альманахе Литературно-художественного кружка", изданном в январе 1918 года в Одессе. И хоть рядом — стихи Валентина Катаева, Юрия Олеши, Бориса Бобовича, Георгия Долинова, но именно "стихи Зинаиды Шишовой" удостоены премии Литературно-художественного кружка". Как рассказывал Вадим Долинов, еще один участник кружка, вот эту строку — "на столе заблудились слоны" — и он, и его тогдашние друзья запомнили сразу и на всю жизнь. Этой строкой первого из опубликованных в альманахе стихотворений Шишова вошла в литературу. Заблудившиеся слоны, как и заблудившийся трамвай Николая Гумилева, стали образом времени.

До сих пор остается неразгаданной тайной, как получилось, что цвет русской литературы 20-х годов XX века — Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Юрий Олеша, этот список можно продолжать, — вышли из одесского литературного кружка "Зеленая лампа". Среди участников "Зеленой лампы" была и Зинаида (друзья ее звали — Зика) Шишова.

Ее поэтическое наследие — две крошечные книги и десяток стихов в газетах и журналах. И тем не менее, и Анатолий Фиолетов, и Эдуард Багрицкий считали ее ярким одаренным поэтом. А в их кругу не было сантиментов, сама Шишова говорила: "Мы были волчата", — и друг к другу они проявляли требовательность, иногда жесткость.

Зинаида Константиновна Шишова родилась 23 сентября 1898 года в семье учителя. Ее отец Константин Данилович Шишов преподавал математику в женской гимназии О.В. Кандыбы, находившейся на Херсонской, 17.

Жила семья, там родилась и Зинаида, в Школьном переулке, 4 (ныне переулок Ушинского).

Биография Зинаиды Шишовой похожа во многом на биографии ее сверстников. Окончила в 1916 году гимназию. Уже с 4-го класса гимназии

начала зарабатывать, давая уроки. В 1917 году поступила на юридический факультет Новороссийского университета. Писала стихи. Познакомилась с Эдуардом Багрицким, который, прослушав ее первые поэтические опыты, пригласил в их компанию.

Вот несколько объявлений из газет 1917-1918 годов.

Рождественский четверг студенческого Литературно-художественного кружка.

28 декабря 1917 года.

Отделение "Поэты".

Зинаида Шишова. "Сумерки", "Письмо с фронта".

Эмилия Немировская. "Синим шелком".

1918. Зал консерватории. Новосельская, 63.

В воскресенье, 17 марта, второй интимный вечер "Зеленой лампы".

Отделение третье. При свете Зеленой лампы.

Новые стихи.

Эдуард Багрицкий, Семен Кессельман, Юрий Олеша, Зинаида Шишова (и др.).

11-й четверг студенческого Литературно-художественного кружка.

24 окт. н. с. 1918 г.

Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова.

Одесский краевед Александр Розенбойм, который познакомил меня с этими объявлениями, обратил внимание на то, что выступление 24 октября, где читали стихи Шишова и Фиолетов, было их последним совместным выступлением. Шишова вышла замуж за Фиолетова. Но 14 ноября 1918 года талантливого поэта, работавшего тогда в уголовном розыске, застрелили бандиты.

Свою единственную одесскую книгу стихов "Пенаты", вышедшую в издательстве "Омфалос", Зинаида Шишова посвятила Анатолию Фиолетову. Эта книга давно стала библиографической редкостью — в Одессе известно несколько экземпляров. Не сохранившуюся в круговерти истории книжечку стихов сама автор искала долгие годы.

И еще несколько слов о Зинаиде Шишовой. Она продолжала писать стихи в 20-30-е годы, но наиболее активно — в блокадном Ленинграде. И все же основной в ее литературном творчестве стала детская приключенческая, историко-романтическая проза. И ее истоки тоже в ранних стихах Шишовой. В картотеке библиофила и краеведа С.З. Лущика на-

шласть выписка, что в одесском журнале "Огонек" 9 июня (27 мая) 1917 года опубликовано стихотворение Зинаиды Шишовой. Нашел этот журнал, прочитал еще одно забытое стихотворение и понял, что его можно поставить эпиграфом к ее приключенческим романам.

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани — красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес — и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахшие краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз...
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад,
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким спряженьем с усталым потухшим лицом.

Всем, кто читал "Великое плавание" — роман об открытии Америки, "Джек-Соломинка" и другие книги писательницы, будут ясны истоки ее творчества.

Жизнь не баловала Зинаиду Шишову. Она вышла замуж за комиссара Брухнова, родила ребенка, его назвали Маратом, но пришли роковые тридцатые, мужа арестовали, ребенка она воспитывала одна. В архиве поэта Георгия Долинова, одессита, осевшего в Ленинграде, а поэтому его архив сохранился в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, есть письмо З. Шишовой — жене Г. Долинова, поэту Эмилии Немировской. И вновь благодарим А. Розенбойма, переписавшего это письмо и привезшего его в Одессу.

"Миля, очень прошу Вас зайти ко мне. У меня два дня нет совершенно денег. Займите где-нибудь ради Христа до 28-го 5 рублей. Я больна, Марик — болен, нет топлива, нет денег и ничего. Нет сил.

У меня — ясное сознание, что мне приходит конец. Миля, если увидишь портниху —

попроси ее зайти – вата в пальто опустилась, я пыталась ее поднять и еще хуже напортила. Теперь пальто надеть нельзя. Если зайдет ко мне, пускай захватит с собою черные нитки.

Приходите, Миля, я больше не вынесу одиночество и этого ужасного безвыходного отчаяния”.

Из отчаянья ей удалось выйти. Но жизнь не баловала радостями. Будучи журналистом “Комсомольской искры”, я попросил ее о встрече, но она предпочла ответить на вопросы, связанные с одесским издательством “Омфалос”, со сборником “Омфалитический Олимп” в письме. Знаю, что подобные письма получал от нее литературовед Роман Тименчик и другие. Как видно, личные встречи для нее даже в 60-е годы были трудны...

Москва 24.3.65

Уважаемый тов. Голубовский

(извините – не знаю Вашего имени и отчества).

Письмо Ваше получила только что и уж отвечаю. Космическая скорость!

Боюсь только, что письмо до этого пролежало положенное время в ССП.

М. б., Вам пригодятся такие дополнения к Вашей статейке:

“Омфалос” – слово греческое, означает – (простите!) – “пуп”. Не исключено, что и пресловутая пленительница Геракла называлась как-нибудь вроде “Пуповины”. Субсидировал изд-во одесский банкир Натанзон, не получая от этого никакой выгоды, а исключительно ради возлюбленной своей – замечательной танцовщицы Эльзы Крюгер, которая очень любила нашу “Южнорусскую школу”.

“Омфалитический Олимп” – это, конечно, лит-мистификация. Авторами стихов были В. Бабаджан, М. Лопатто, А. Фиолетов, но он до выхода сборника не дожил. Волошин в сборнике не участвовал, но Вы правы – в то время всякие подделки и мистификации, стилизации под... были в большом ходу. Вспомните... хотя нет, Вам этого не вспомнить. Давайте по-газетному: вспомним хотя бы киевский “Парнас дыбом” или стихи Наташи Российской.

Со сборником стихов Климентия Бутковского произошла совершенно мистическая история – помните, как у Франса в рассказе о никогда не существовавшем и вдруг воплотившемся садовнике?

Писал стихи тот же Витя Бабаджан, фамилию автору мы подбирали все скопом и вдруг – он ВОЧЕЛОВЕЧИЛСЯ! Явился приехавший с турецкого фронта какой-то прапорщик или поручик по фамилии Бутковский, по имени (надо же!) Климентий (а не Клея) и потребовал гонорар за стихи. Натанзон и Бабаджан, оба красные от сдерживаемого смеха, выплатили ему – для смеха же – гонорар. Однако потом произошло более печальное событие: “Омфалос” получил запрет от матери погибшего на фронте Акимы Бутковского –

не ее ли это сын, который совсем не погиб, а, переименовав имя на более красивое, живет себе в Одессе и пишет стихи. Кое-как ей ответили.

Теперь "о долго живших в Одессе" классиках.

Долго жили в Одессе Куприн, Бунин. А Толстые (Ал. Ник. и жена его – прекрасная поэтесса – Наталья Крандиевская) уехали с последними белыми за границу. Волошин – в Крым, свой Крым.

Амшера Нюрнберга я знала. Сейчас в бывшей его мастерской в Перцовском переулке на Соймоновском проезде живет вдова его погибшего товарища – художника Соколика.

В "Омфалосе", кроме Витиной книги о Сезанне еще были выпущены или только подготовлены к печати, кроме монографии об Эль Греко, того же автора (Филиппа Гозисона) монография о Матиссе, Гойе...

Ну, кажется, всё...

Теперь уже у меня к Вам большая просьба. В том же "Омфалосе" в 1919 году вышла книжечка моих стихов "Пенаты". Стихи плохие, и я бы не поддавалась уговорам Олеси и Фиолетова, и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела, и все это было проделано без моего согласия. Настоящим знатокам поэзии книжечка эта ни к чему, а для меня дорога по-другому. М. б., можно раздобыть ее в Одессе? Если что-нибудь услышите о "Пенатах" – очень прошу – напишите.

Привет Вам и милой Одессе.

Зинаида Шишова.

P.S. Когда-нибудь в моих мемуарах Вы об Одессе 20-х годов прочтете рассказ более подробный.

Защиту книгу "Пенаты" Зинаиды Шишовой от самой Зинаиды Шишовой. И в ранних стихах, опубликованных в одесской печати, и в этой книге "Пенаты" есть дыхание настоящего поэта. Да, еще не преодолены влияния ее кумиров тех лет – Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Но уже угадывается свой, ломкий и искренний голос, своя вовлеченность в трагедию, отсчет которой и начинался в 1917 году.

Небезынтересно заметить, что о выпущенной одесским издательством "Омфалос" книге стихов З. Шишовой "Пенаты" похвально отозвался (отнюдь не склонный к похвалам) Иван Бунин.

Письмо, написанное Зинаидой Константиновной спустя полвека после происшедших событий, живое, яркое, эмоциональное, как и ее воспоминания об Эдуарде Багрицком, Юрии Олеше. Жаль, что воспоминания о литературной Одессе 20-х годов она так и не успела написать. Единст-

венная неточность, на которую следует обратить внимание, — сборник "Омфалитический Олимп" действительно составляли коллективно, но третьим участником был не Анатолий Фиолетов, а Николай Бахтин. Хотя, повторюсь, не в этой детали важность письма, а в том, что для Зинаиды Шишовой и в середине 60-х годов Одесса 1917-1918 годов наполнена живыми голосами друзей, ставших уже историей.

Многие стихи сборника "Пенаты" — еще не зарубцевавшаяся рана, связанная с гибелью мужа — талантливого поэта Анатолия Фиолетова. Окаянные дни города, страны совпали с личной трагедией. Вся книга "Пенаты" посвящена Анатолию Фиолетову.

И тут я вспомнил об одном нерасшифрованном посвящении...

В Москве в семидесятые годы я был в гостях у сестры Вениамина Бабаджана — Тотеш. Перелистывая толстую тетрадь со стихами Бабаджана, расспрашивал о нем, о Фиолетове, об издательстве "Омфалос". И вдруг из тетради на пол вылетает тонкий листик бумаги, поднимаю и вздрагиваю: строфа подписана — А. Фиолетов.

Я слышал, что Зина Шишова происходит из семьи французов Рибато. И вдруг стихи. Много лет спустя я опубликовал их в сборнике А. Фиолетова "О лошадях простого звания" (Одесса, 2000 год).

Ваши предки Рибато
Были добрые французы.
Вижу бабушка в бандо,
С ней гусар в тугих рейтузах,
Стройный ус и черный стан,
Славный сын гвардейской школы,
Королевский капитан,
Добродушный и веселый,
Революцию хуля

На этом листик обрывался. "Революцию хуля". Дописал ли Фиолетов это стихотворение, обращенное к Шишовой, к той, у кого "на столе заблудились слоны"?..

Уже переизданы стихи Анатолия Фиолетова. Пришел черед найти нового читателя стихам Зинаиды Шишовой — и самым первым, разбросанным по журналам и альманахам, и вошедшим в книгу "Пенаты", и зрелым, написанным в блокадном Ленинграде.

И мы — сквозь время — услышим чистый голос поэта, отлученного от поэзии, но не предавшего поэзию.